

Н. В. Гоголь какъ народный писатель.

Несколько словъ об источникахъ познаний Гоголя «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

...кроме идеальной поэзии можетъ быть еще и поэзия реальная, поэзия жизни, поэзия действительности. истинная и настоящая поэзия нашего времени, а Гоголь есть именно поэзия жизни действительной.

Более полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ повѣстей Гоголя подъ заглавіемъ: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», но общаесть ихъ во всей свѣжести и силѣ сохранилась и по настоящее время.

До появления этихъ повѣстей, русское общество очень мало или, вѣрнѣе, вовсе не было знакомо съ Малороссіей; кое-какія свѣдѣнія о ней могли быть занесены малорусскими помѣщиками, жившими въ Москвѣ и Петербургѣ, вышедшими русскими чиновниками, служившими въ Малороссіи, украинскими пѣвцами, набравшимися на югѣ въ пѣвческую пансіону и театры. Хотя свѣдѣнія эти были крайне поверхностны, но они, тѣмъ не менѣе, возбуждали интересъ къ Малороссіи, какъ весьма своеобразному, артистическому краю; известно, что еще Потемкинъ одно время мечталъ объ открытіи высшего музыкальнаго училища въ Кременчугѣ. Въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ писемъ къ матери Гоголь проситъ прислать ему двѣ отрывка комедій, говоря, что «здѣсь (въ Петербургѣ) очень интересуются великимъ малорусскимъ». (Письма къ матери). «Вечера на хуторѣ» въ свое время были приняты весьма сочувственно, какъ обществомъ, такъ и лучшими представителями нашей литературы: Пущинымъ, Жуковскимъ, Иветскимъ и др. Даже большинство критиковъ отнеслось къ нимъ довольно благосклонно, хотя нѣкоторые петербургскіе журналисты (Сенковский, Булгаринъ, Гречъ и друг.) смотрѣли на Гоголя, какъ на русскаго «Поль-де-Кока», и хвалили его остроуміе, замѣчали въ то-же время «отсутствіе чувства изящнаго и пристрастіе къ сальностямъ вѣчнаго рода». Были, впрочемъ, и зодыи. Между ними особенно стичался Н. Пелевой, который, вообразивъ, что «Рудый Панько» новый псевдонимъ О. Сомова, писавшаго подъ именемъ Байскаго, началъ на «Вечера» и ста-

рался доказывать, что авторъ ихъ вовсе не малороссіининъ, а «москаль», да еще и «горожанинъ». Другими, болѣе серьезнымъ критикомъ можно почесть Кулиша, малоросса по рожденію и, къ тому-же, основательно изучившаго малороссійскій бытъ и литературу. Но и онъ не чудилъ пристрастія; его обвиненія Гоголя въ совершенномъ незнаніи Малороссіи, ея обычаявъ, обрядовъ, характеровъ, далеко не справедливы. Мы постараемся доказать, что Гоголь изучалъ малороссійскій бытъ не съ «барскаго крыльца», не въ «лакейской», причемъ «лакейская среда, эта безобразная помѣсь простонародности и цивилизованности, заслоняла предъ нимъ неподдѣльную, перазувраженную, широкую украинскую жизнь» (соч. и письма Гоголя изд. Кулиша и обзоръ украинской слов. Кулиша. Основа 61 г.).

Гоголь, во первыхъ, былъ самъ малороссъ и родился въ самомъ сердцѣ Малороссіи, Полтавской губерніи, м. Сарочинцахъ. Если мы припомнимъ, что только два поколѣнія отдѣляли его отъ эпохи казацкихъ войнъ, что въ дѣтствѣ его окружала жизнь, едва вышедшая изъ своего средне-вѣковаго, воинственнаго, полудикаго броженія, исполненная свѣжихъ преданій старины, легендъ и воинственныхъ пѣсенъ, жизнь, въ которой религіозная набожность сливалась съ роємъ народныхъ суевѣрій,—намъ вполнѣ станеть понятенъ характеръ первыхъ произведеній его творческаго гения. Во вторыхъ, Гоголь былъ малороссъ по душѣ,—по характеру, даже по привычкамъ. Этотъ отпечатокъ онъ сохранилъ навсегда. Бергъ встрѣтивъ Гоголя уже въ сороковыхъ годахъ, говоритъ, что по манерамъ, взгляду «хохоль тутъ былъ видѣнъ сразу». (Русск. Стар. 72 г. 1.).

Обратимся къ первымъ впечатлѣніямъ дѣтства Гоголя. Украинскія народныя пѣсни, поражавшія его слухъ еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся доступнымъ впечатлительному уму поэта, дали зародышу его таланта характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившагося впоследствии до такой поразительной силы. Ни въ одной странѣ пѣсня не выходитъ изъ такой мрачной глубины, какъ въ Малороссіи, и никто другой, кроме малороссыя, не способенъ посылъ горькаго плача, послѣ разрывающаго душу отчаянія, смѣяться такимъ всепоглощающимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣсняхъ. Нельзя не признать, что народныя малорусскія пѣсни должны быть причиной того, что, какъ въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, такъ и въ послѣдующихъ произведе-

Домъ, гдѣ жилъ Н. В. Гоголь.

ніяхъ, у Гоголя «подъ видимымъ смѣхомъ» всегда «скрываются незримыя міру, слезы». (Зап. о жизни Гоголя 2 т. 56 г.).

Рассказы дѣда Гоголя, украинскаго полковаго писаря, участника и очевидца многихъ казацкихъ подвиговъ, также не мало вліяли на его юное воображеніе. «Дѣдъ мой», говоритъ Гоголь въ повѣсти «На капуѣ Ивана Купала», умѣлъ чудно рассказывать. Вывало, какъ поведеть рѣчь—цѣлый день не подвинулся-бы съ мѣста и все слушалъ-бы... Но, ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наказы заповождѣвъ, про ляховъ, про молодеца дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго, не занимали настолько, какъ рассказы про какое нибудь старинное дѣло, отъ котораго всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ершились на головѣ. Страхъ, бывало, такъ разбереть отъ нихъ, что съ вечера все показывается Богъ знаетъ какии чудовищемъ». Въ «Пропавшей Грамотѣ» сохранились также свѣды указанія на то, что этотъ рассказъ Гоголь слышалъ отъ дѣда.

«Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за раздолье надаеть на сердце, когда услышишь про то, что давно дѣлалось на свѣтѣ. А какъ впуается еще какой нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ,—ну тогда и рукой махни: чуеться, что какъ будто самъ залѣвъ въ прагдѣвскую душу или что дѣдовская душа шалитъ въ тебѣ самомъ». Здѣсь нельзя не видѣть указанія Гоголя на предка своего Остапа Гоголя, буйнаго товарища Дорошенка. Въ то время, какъ дѣдъ былъ для Гоголя представителемъ старины, отецъ его, Василій Афанасьевичъ, являлся представителемъ

современности. Онъ былъ человекъ начитанный, бывалый, любилъ литературу и обладалъ въ то-же время даромъ рассказывать и приправлять свои рассказы малорусскимъ юморомъ. Усадьба его Висильевка (Яновщина) была центромъ обществениости околота. Дружба съ сосѣдомъ, бывшимъ министромъ юстиціи Троицкимъ, устроившимъ въ своемъ имѣніи, С. Кибинцахъ, театр, способствовала тому, что Гоголь-отецъ началъ писать комедіи изъ малорусскаго быта, которыя въ послѣдствіи послужили образцами къ созданію нѣкоторыхъ типовъ въ «Вечерахъ». Именно, въ запискахъ о жизни Гоголя (С. нб. 56 г.) приведены два отрывка пая, вѣрнѣе, содержаніе двухъ комедій Василія Гоголя: «Романа и Параски» и «Овцы-собаки», записанныхъ съ устъ почтенной матери нашего писателя. Мы дозволимъ себѣ привести вкратцѣ содержаніе первой комедіи.

Романъ, тупоумный супругъ, лежитъ на печи; Параска, его жена, пряткая баба, желая выпроводить мужа, уговариваетъ его отправиться на охоту за зайцемъ съ поросенкомъ, вмѣсто собаки. Въ его отсутствіе она принимаетъ своего «млаго» дьяка Оому Григорьевича, который «отпускаетъ» ей на славянскомъ языкѣ «чудныя фразы». Но тутъ возвращается разочарованный супругъ, такъ какъ поросенокъ убѣжалъ, не поймавъ зайца. Находчивая Параска успѣваетъ спрятать дьячка и показываетъ мужу зайца, купленнаго ею у кула, говори, что поросенокъ принесъ зайца домой самъ. Комедія оканчивается смѣшнымъ открытіемъ дьячка. Легко узнать въ этихъ типахъ: Соломія, Хиврю, Поповича «Сорочинской ярмарки», а также Солоху и дьяка изъ «Ночи подъ Рождество». Что Гоголь—отецъ бралъ свои типы изъ народнаго быта—показываютъ имена дѣйствующихъ лицъ (хотя издатель Записокъ и говорить, что у Троицкаго жили на жалованьи именпо Романъ и Параска, послужившіе типами для комедіи). Въ народѣ до сихъ поръ существуютъ поговорка: дурный, якъ Романъ. Относятся-ли это къ собственному имени, или къ растенію роману—двойной ромашкѣ, имѣющей одуряющій запахъ,—рѣшить не беремъ. Параска тоже живеть въ парадѣ, какъ типъ продуктивной и способной на все женщины: «на все наша Параска здалася, и шиты и прясты, и, красты». (Поговорка). Мы можемъ почти утвердительно сказать, что эпиграфы къ главамъ «Сорочинской ярмарки» и «Майской ночи» (изъ малорусскаго комедіи, изъ простонародной сказки, изъ старинной легенды и т. п.) принадлежатъ болѣею частью Гоголю-отцу, во первыхъ потому, что въ литературѣ того времени не было извѣстно ни одного сочиненія, къ которому могли быть отнесены ссылки Гоголя, а во вторыхъ, въ эпиграфѣ къ VI главѣ «Сорочинской ярмарки» приведенъ отрывокъ изъ «Романа и Параски».

О вліяніи Василія Гоголя на своего сына лучше всего даеть понять отрывокъ изъ письма Н. В. Гоголя къ матери, по случаю кончины отца. «Это небесный ангелъ, это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живеть, даеть даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, развѣтляетъ ступнишия думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ, я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую силы для поднятія труда важнаго, благороднаго, на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни себѣ подобныхъ, и, догдѣ нерѣшительный, неуверенный (и справедливо) въ себя, я влѣхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указывающаго въ мѣту жаднаго вѣканія» (Н. К. Мат.). Кроме свѣдѣній, которыя Гоголь почерпнулъ изъ домашней среды, онъ самъ непосредственно изучалъ бытъ народа. М. Мацѣвичъ передаетъ слѣдующія воспоминанія Н. Ю. Артынова, товарища Гоголя по Нѣжинскому Лицею. «Гоголь бывало постоянно ходитъ въ Матерки (предмѣстье Нѣжина); тамъ онъ имѣлъ много знакомыхъ между крестьянами. Когда у кого изъ нихъ бывала свадьба или другое что, или,

простого, когда выгдывался погодливый праздничный день, то Гоголь непременно ужъ былъ тамъ. (Рус. Арх. 77.10). Въ связи съ вышесказаннымъ, взглянемъ на записную книжку Гоголя: «Книга великой величія или подручная энциклопедія соч. Н. Г. Нѣжинъ, 1826 г.». Въ ней, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія статьи и замѣтки: Легонько малорусскаго, имена, даваемые при Крещеніи (на малорусскимъ языкѣ). Малорусскія преданія, загадки, обычаи, обряды, пословицы, поговорки и фразы, о свадьбахъ у малороссыя и т. п. Не трудно прійти къ убѣжденію, что всѣ эти замѣтки были результатомъ внимательнаго изученія дѣйствительности, и при томъ непосредственнаго.

У Максимовича, не мало способствовавшаго къ ознакомленію Гоголя съ малорусскими историческими пѣснями и думами, хранилась тетрадь цѣннѣшихъ пѣсенъ, записанныхъ Гоголемъ въ Кіевѣ. Безотчетная, природная склонность нашего поэта къ юмору ни въ чемъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ, весьма обширномъ, отдѣлѣ малорусскаго народнаго поэзіи; вотъ почему въ повѣстяхъ Гоголя иногда встрѣчаются выраженія, обличающія этотъ невольный скромный, но, тѣмъ не менѣе, живой народный источникъ.

Желая собрать какъ можно болѣе матеріаловъ для своихъ повѣстей, Гоголь пишетъ матери изъ Петербурга: «Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы знаете обычаи и нравы нашихъ малороссыя и потому, я знаю, не откажетесь сообщить о нихъ въ нашей перепискѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я жду отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ наименованіемъ, какъ все это называется у самыхъ закоренѣлыхъ, у самыхъ древнихъ, самыхънаиболѣе измѣнившихся малороссыя. Равнымъ образомъ позанія платья, послѣдними нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также пышными замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, по симаго до времени германскихъ. Вы помните?—Разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ распространить старожилловъ. Я думаю, Анна Матвѣвна и Агафья Матвѣвна (тетки матери Гоголя) много знаютъ кое-чего изъ древнихъ годовъ. Еще—обстоятельнымъ описаніе свадьбы, не упуская паймаѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно спросить у Дамьяна, котораго мы видѣли учредителемъ свадьбы, и который зналъ, повидимому, всѣ повѣрья и обычаи.

Еще нѣсколько словъ о колыханьяхъ, объ Иванѣ Купалѣ, русалкахъ. Если есть кроме того какіе нибудь духи или домытые, то и объ нихъ подробно, съ ихъ названіями и дѣлами. Прошу васъ узнать о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: у Пахвилы—какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? Равнымъ образомъ, что за игра Пашокъ, семь листвова? Изъ хороводныхъ въ Хрещенка, въ Журавли? У насъ есть повѣрья на нѣкоторыхъ хуторахъ, разныя повѣсти, рассказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость, удружате какую-нибудь изъ нихъ. (П. къ мат.). На основаніи всего вышесказаннаго, можно утвердительно сказать, что повѣсти Гоголя являются плодомъ близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, причѣмъ гениальное творчество Гоголя особенно ярко выразилось въ истинно художественномъ умѣнн связывать поэтическія народныя представленія съ обилиемъ роскошной малорусскаго природы. «Вечера на хуторѣ» представляютъ рядъ событій, связанныхъ съ народными суевѣріями и преданіями, пересозданными въ поэтической фантазіи автора. Въ «Сорочинской ярмаркѣ» переданъ юмористическій рассказъ о красной свиткѣ, въ связи съ оригинальнымъ сватовствомъ среди ярмарки. «Вечеръ на капуѣ Ивана Купала» изображаетъ также весьма распространѣнное въ парадѣ повѣрье о продажѣ души черту, о владахъ и маки-видюнкѣ. Въ судебной хроникѣ конца прошлаго столѣтія можно найти не мало процессовъ по поводу такой продажи. Въ наше время, не дадѣе, какъ въ 1883 году южновскій волостной судъ приговорилъ одну крестьянку къ штрафу за сколдованіе судей маки-видюнкомъ. (Кіев. Стар. 84). Въ «Майской ночи» Гоголь перефразируетъ нѣкоторыя народныя пѣсни и рассказы; напримѣръ, въ I главѣ цѣлкомъ приведена перефразированная пѣсня: «Солнце низенькое». «Пропавшая грамота», «Заколдованное мѣсто»,—живые народные рассказы. Въ «Ночи подъ Рождество» весьма вѣроятно предположить одинъ изъ ходившихъ рассказовъ объ украинскомъ художникѣ Борвицкомъ, благодаря случайности сдѣлавшемся извѣстнымъ Елатеринѣ II во время ея путешествія на Югъ. (Кіев. Стар. 84). Въ «Страшной мести» передано галицкое преданіе о двухъ братьяхъ Иванѣ и Петрѣ въ связи съ художественнымъ изображеніемъ казацкой хуторской жизни. Повѣсть «Иванъ Федоровичъ Шпоныба и его тетушка»—картинка изъ пошлаго быта, дышащая жизнью и правдой. Невольно приходитъ на па-

мать слова Бѣлинскаго, перваго возвѣтвшаго русскаго публики, что сочиненія Гоголя «не одни только пустыя рассказы балагура», а «драгоценныя перлы художественнаго творчества, въ истинномъ значеніи этого слова; что ничего изъ современныхъ русскихъ писателей нельзя назвать поэтомъ съ болѣею увѣренностью и ни мало не задумываясь, какъ Гоголь, что, кроме идеальной поэзіи, можетъ быть еще поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности, истинная и настоящая поэзія нашего времени, а Гоголь есть именно поэзия жизни дѣйствительной». (Соч. Бѣлинскаго). Что касаетца отношенія автора къ своимъ повѣстямъ, то Гоголь, уже чрезъ два года послѣ изданія повѣстей, былъ имидоволенъ и писалъ Плетневу: «Дѣ обрѣгутся онѣ неувѣренности, покажетъ что либо увѣствие, великое, художественное не изыдетъ изъ меня; но я стою въ бездѣйствіи: мелкаго не хочется, великаго не выдумывается. (Переп. съ друз.). Въ предисловіи ко 2-му изданію повѣстей, онъ также находить въ нихъ «много незрѣлаго, несовершеннаго». На это, впрочемъ, нельзя обращать особаго вниманія, такъ какъ Гоголь вообще бывалъ доволенъ своимъ произведеніями, стремясь создать «нѣчто великое, художественное». Подобный взглядъ вполнѣ отвѣчалъ его первой, артистической натурѣ. По этому поводу нельзя не припомнить слова А. И. Свирова: «Художникъ, говоритъ онъ, слишкомъ горячъ, слишкомъ впечатлительнъ, увлекается, можетъ часто противорѣчить самому себѣ подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, мѣняетъ свои убѣжденія (въ частности) почти постоянно, потому что постоянно учатся, развивается; наконецъ, художникъ по преимуществу склоненъ къ личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, все мѣряетъ по своему идеалу (безъ этого идеала нельзя быть художникомъ и даже нельзя толку знать въ искусствѣ). Все это далеко отъ безпристрастія, отъ невозмутимо спокойной оцѣнки, отъ идеальныхъ условій вѣрнаго критическаго приговора». (Муз. и теат. 67 г. 1.). Въ заключеніе намъ остается только сказать, что «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» представляютъ самое живое, неподдѣльное изображеніе народнаго малорусскаго быта и созданы не «по наслышкѣ», не «съ барскаго крыльца», а непосредственно почерпнуты изъ живого источника народнаго быта.

Н. Н. Тарновскій.
Херсон. губ., г. Бобриницъ,
д. Орошанка.